

По мере приближения зимы погода становилась всё холоднее и холоднее. Вся усадьба была занята приготовлениями к Новому году, и число посетителей начало увеличиваться. Многие из них были незнакомцами, которых Лэй Лэй никогда раньше не видела. Расспросив слуг, она узнала, что это были богатые люди или владельцы магазинов, которые приехали сюда, чтобы заплатить за аренду земли или преподнести подарки. Только сейчас Лэй Лэй узнала об источнике дохода поместья. Из-за всей этой проблемы с Орехом Долголетия гунцзы не смог бы провести Новый год дома, поэтому он решил разобраться со счетами заранее. Он был очень занят, поэтому Лэй Лэй тактично воздерживалась от того, чтобы беспокоить его, время от времени помогая развлекать гостей или проводя инвентаризацию купленных к Новому году вещей. Конечно, чаще всего она отправлялась на прогулку в Восточный двор, потому что там располагался тот странный старый кабинет.

Во дворе управляющий Чжао удобно устроился в кресле и грелся на солнышке.

Лэй Лэй протянула ему бухгалтерскую книгу:

- Взгляните, что-нибудь не так?

Управляющий Чжао взял книгу и долго листал ее, довольный:

- Я не ожидал, что ты, девочка, так хорошо разбираешься в бухгалтерии, тебе даже не нужны счёты.

Оказалось, управляющий Чжао жил в этом дворе. Он несколько раз останавливал Лэй Лэй, когда она хотела войти в кабинет. К счастью, она довольно хорошо ладила со всеми в поместье, и к ней не относились как к посторонней. Кроме того, эта девушка продемонстрировала свои навыки лести и напросилась помочь со счетами. Благодаря ее сообразительности предубеждения, которые управляющий Чжао питал по отношению к ней, исчезли, что сблизило их еще больше.

Услышав его похвалу, Лэй Лэй решила, что необходимо проявить скромность:

- В любом случае, я больше ничего не могу делать, поэтому должна помочь хотя бы с этим.

Управляющий Чжао улыбнулся:

- В прошлый раз гунцзы спросил, кто вёл счета.

Лэй Лэй тут же заинтересовалась:

- Что он сказал?

Управляющий Чжао занимался делами поместья несколько десятков лет и знал, как расположить к себе людей. Поэтому он сократил большую часть сказанных слов и передал ей лишь следующее:

- Он похвалил тебя, сказав, что ты проделала довольно хорошую работу со счетами. Вот только почерк...

Лэй Лэй была еще молода и не сумела уловить более глубокий смысл в его словах. Она была счастлива. Сяо Бай наконец-то узнал о её достоинствах! В то же время она не забыла о деле насущном и указала на кабинет, спросив:

- Почему в эту комнату нельзя заходить, там что-то есть?

Услышав это, изначально доброе выражение лица управляющего Чжао померкло:

- Даже если там что-то есть, это тебя не касается. Тебе достаточно знать, что входить туда запрещено. К чему столько вопросов?

Лэй Лэй изобразила возмущение:

- Разве это не просто кабинет старого мастера Сяо?

Управляющий Чжао уставился на нее, но, в конце концов, ничего не заподозрил. На самом деле, даже ему было любопытно узнать о вещах в этой комнате, поэтому он всё же дал объяснение.

- Это правило, установленное самим владельцем Сяо Минем. Эта комната всегда была закрыта для посторонних, и именно старый хозяин превратил ее в кабинет. - Он сделал паузу и вздохнул, выражение его лица было угрюмым: - Одна фраза о «поддержании справедливости» привела к тому, что из поколения в поколение потомки поместья Байшэн были неразрывно связаны с делами Цзянху, вынужденные постоянно бороться со злом. Такова воля Небес!

Услышав эти странные слова, Лэй Лэй собиралась расспрашивать дальше, но управляющий Чжао внезапно встал.

- Гунцзы.

Лэй Лэй повернула голову. Оказывается, гунцзы стоял у входа во внутренний двор.

Гунцзы посмотрел на Лэй Лэй, затем на управляющего Чжао:

- Мы отправляемся через два дня, всё готово?

Управляющий Чжао ответил с улыбкой:

- Экипаж подготовлен, все вещи собраны. На этот раз я возьму с собой Ван Куна и Чжан Цяня. Это наше первое путешествие в Новом году, и все немного отвыкли от этого.

Он сделал паузу, вдруг что-то вспомнив, и поспешно направился ко входу во внутренний двор:

- Позавчера я попросил слугу отправить письма на станции, которые находятся на нашем пути, чтобы они подготовили смену лошадей. Я пойду и проверю всё ещё раз.

Гунцзы кивнул:

- Это важное дело, мы не можем быть беспечными.

Согласно кивнув, управляющий Чжао ушел.

Увидев, что он ушел, Лэй Лэй осмелела и потянула гунцзы за рукав, тихо спросив:

- Почему в эту учебную комнату никого не пускают?

Взгляд гунцзы переместился на плотно закрытые двери:

- Ты хочешь войти?

От неожиданности Лэй Лэй некоторое время не знала, как лучше ответить, поэтому лишь улынулась: «Всем это интересно». Немного подумав, она недвусмысленно напомнила: «Но многие люди говорят, что внутри определенно есть что-то важное. С такой строгой охраной вокруг двора, разве это не все равно, что повесить табличку с надписью «здесь не зарыты 300 лянов серебра*»? Если ты умен, не стоит делать это так явно».

* обр. выдать себя с головой; шито белыми нитками. По рассказу о человеке, который зарыл в землю деньги, а сверху на всякий случай написал «здесь не зарыты 300 лянов серебра». Сосед, прочтя записку, деньги вырыл и приписал: «Сосед Лисы деньги не украл».

Гунцзы на мгновение замолчал, затем направился в кабинет. Она не знала, понял ли он, что она имела в виду.

По словам управляющего Чжао, комната существовала еще при жизни Сяо Миня, и было ясно, что ее история насчитывает сотни лет. Колонны выглядели старинными, но были очень прочными, сделанные из бревен самого высокого качества. Плотные закрытые двери на самом деле не были заперты и открывались простым толчком. Поскольку все окна были закрыты, в комнате было немного темновато. Пол и книжные шкафы были очень чистыми, вероятно, их регулярно убирали управляющий Чжао и остальные.

Когда люди входили в незнакомую комнату, они обычно оглядывались по сторонам, но Лэй Лэй этого не делала, потому что то, что находилось в комнате, было слишком заметным и привлекло всё её внимание, как только она переступила порог.

Вещь лежала на столе для подношений, накрытая отрезом желтой шелковой ткани.

Лэй Лэй удивилась: «Что это?»

Гунцзы шагнул вперед и поднял шелковую ткань.

Мемориальная доска.

В отличие от обычных мемориальных досок, на ней не было никаких слов, и она была удивительно пустой.

Гунцзы зажег лампу и достал откуда-то курительную свечу. После того, как он зажег ее, он поместил ее в маленькую курильницу, стоявшую перед столом для подношений.

Лэй Лэй оправилась от шока, чувствуя себя немного виноватой:

- Это твоя мама?

Гунцзы покачал головой.

Лэй Лэй быстро поправилась:

- Твой отец?

Гунцзы покачал головой.

Лэй Лэй была сбита с толку:

- Тогда...

Гунцзы долго молчал, прежде чем сказать:

- Она была установлена старым мастером Сяо Минем сто лет назад. Тогда он помог главе альянса У, внося значительный вклад в уничтожение тёмной фракции.

Лэй Лэй тоже слышала об этом и была озадачена:

- Но для чего он установил эту штуку?

- После этой битвы Нань Син Хэ, этот дьявол, был окончательно уничтожен, по темной фракции был нанесен сильный удар. Однако старый мастер Сяо Минь чувствовал, что слишком многие были убиты от его меча, и, опасаясь, что они могут обратиться в злых духов, желающих возмездия, он установил эту ритуальную табличку и наказал последующим поколениям семьи Сяо сохранить ее... в надежде, что его потомки будут жить спокойно и благополучно.

Лэй Лэй осенило. Последующие поколения? Она слышала, что численность семьи Сяо сократилась со времен старого мастера Сяо Миня. В каждом поколении рождался только один сын, а все остальные дети были дочерьми. Не больше и не меньше, рождался только один сын. Как только рождался мальчик, детей больше не было. Это практически стало правилом. В этом поколении был только Сяо Бай, и у него даже не было сестер. Если бы с ним что-то случилось в этот момент, семья Сяо лишилась бы единственного наследника. Здесь отсутствие потомства мужского пола считалось худшим преступлением. Похоже, Сяо Минь был предусмотрителен. Говорят, что та битва была похожа на кровавую бойню, и погибло бесчисленное множество людей. Даже если члены темной фракции совершали плохие поступки, не все заслуживали смерти. Неудивительно, что он был встревожен и совершил такой суеверный поступок, чтобы обрести душевное спокойствие. Вероятно, надежды на «процветающее поколение» не было, и будет большой удачей, если его единственный в живых потомок будет «жить спокойно и благополучно».

- Тебе часто приходится делать подношения?

- Только во время Нового года и в праздничные дни. Просто с тех пор, как мой отец превратил это место в кабинет, когда был ещё жив, обряд возжигания благовоний никогда не прекращался.

Лэй Лэй кивнула. По прошествии такого долгого времени выяснилось, что эта комната использовалась для покаяния и имела в себе более глубокий смысл. Древние люди очень серьезно относились к продолжению рода, и неудивительно, что стольким людям велено охранять ее.

Гунцзы внезапно сказал: «На самом деле, поддержание справедливости - это небесный принцип, и ему не нужно было...» Он вдруг остановился.

Лэй Лэй была озадачена:

- Чего не нужно было?

Криво улыбнувшись, с подавляющей собеседника отвагой и решимостью, гунцзы заявил:

- Поколения потомков семьи Сяо считали обеспечивать покой в Цзянху своим долгом, отстаивали справедливость и избавляли людей от зла. Они действовали открыто и честно. Достаточно иметь чистую совесть, какое это имеет отношение к воле Небес?!

- Хорошо сказано, - эхом отозвалась Лэй Лэй, оглядываясь по сторонам.

Может ли эта секретная техника быть здесь...

За столом для подношений висел старый свиток. На нем было стихотворение без названия, но его содержание было заимствовано из стихотворения Ду Фу «Вижу во сне Ли Бо»:

Если б смерть разлучила нас,

я бы смирился, поверь,

Но разлука живых

для меня нестерпима теперь,

А Цзяннань – это место

коварных и гиблых болот,

И оттуда изгнанник

давно уже писем не шлёт.

Закадычный мой друг,

ты мне трижды являлся во сне,

Значит ты ещё жив,

значит, думаешь ты обо мне.

Оно было подписано «Сяо Минь». Из-за своего возраста свиток пожелтел, а чернила выцвели.

Это стихотворение было о том, как автор скучает по другу. Почерк был смелым, но в нем чувствовались намеки на одиночество. Последние несколько строк становились всё более и более небрежными, как будто автора захлестнули эмоции. Если подумать, Сяо Минь был довольно известен и, вероятно, имел много друзей, так что для него было нормально быть подавленным, вспоминая о старых друзьях, и Лэй Лэй не была удивлена. То, о чём она размышляла, были телешоу, которые она смотрела в прошлом. В них обычно за каллиграфией или картинами в кабинете были установлены потайные двери, в которых хранились различные сокровища.

- Почерк мастера Сяо Миня довольно хорош, - Лэй Лэй притворилась, что изучает свиток с каллиграфией, и тихо шагнула вперед, чтобы приподнять пергамент.

На стене за ним ничего не было.

Разочарованная, Лэй Лэй уже собиралась отбросить его в сторону, когда случайно заметила несколько строк мелкими буквами, которые были написаны на обороте свитка: «Внезапно во сне я будто воочию увидел лицо брата, к счастью, твой голос и образ* не изменились. Когда мы завтра встретимся в загробном мире, надеюсь, я смогу посмотреть в лицо брату Хэ Яню!»

* обычно так говорят об умершем.

Что это значит? Может быть, Сяо Минь каким-то образом подвёл своего друга?

Лэй Лэй была удивлена и указала гунцзы:

- Посмотри на это.

Гунцзы шагнул вперед, чтобы посмотреть на надпись. Он тоже был застигнут врасплох и выглядел задумчивым:

- Оказывается, на обратной стороне тоже есть надпись, возможно, старец скучал по своему другу, когда писал это.

- Твой отец не говорил тебе об этом?

Гунцзы покачал головой:

- Мой отец не обязательно знал всё о делах предка.

Лэй Лэй промолчала.

Гунцзы убрал написанное в сторону:

- Когда мой отец был жив, он часто ненадолго засиживался в кабинете. На смертном одре его единственным желанием было сохранить эту мемориальную табличку. Что касается других вещей, даже я не знаю об этом, только...

Лэй Лэй с тревогой спросила:

- Только что?

Гунцзы долгое время хранил молчание. С оттенком сомнения в глазах он прошептал:

- Он был неосторожен и был отравлен Шангуань Цю Юэ. В то время мы пригласили лекаря-мудреца из резиденции Ба Сянь, чтобы он вылечил его. По словам старого господина Бу, яд не был неизлечимым, и с вероятностью семь десятых его можно было обезвредить. Однако его состояние только ухудшалось, и, в конце концов, он умер. Старый господин Бу винил в этом себя.

Красавец-брат действительно унес много жизней. Он даже был заклятым врагом Сяо Бая, который убил его отца. Если Сяо Бай узнает о ее настоящей личности, что с ней будет? Лэй Лэй втайне забеспокоилась и вздохнула:

- Все совершают ошибки.

Гунцзы в нерешительности покачал головой:

- Я думаю... что мой отец не принимал лекарство.

Лэй Лэй была шокирована:

- Не принимал лекарство?

Гунцзы почувствовал себя очень неловко и повернулся, чтобы посмотреть на дверь:

- Он любил цветущую сливу, и ему нравилось сидеть под сливовым деревом на южной стороне двора, поэтому он часто приказывал приносить лекарство туда. Однажды я проходил мимо и увидел под деревом что-то похожее на порошкообразный остаток лекарства.

Лэй Лэй тоже была озадачена. Это было действительно странно. Поместье Байшэн

поддерживало справедливость, а красавец-брат был большим дьяволом, так что конфликты между ними не были чем-то из ряда вон выходящим. Но, судя по поведению Сяо Юаня, он явно не хотел жить дальше. Может быть, он устал от жизни и хотел покончить с собой?

Гунцзы пробормотал:

- Я действительно не понимаю, почему он отказался от лечения.

Лэй Лэй чувствовала, что необходимо загладить вину за то, что сделал ее брат. Она утешила его:

- Возможно, ты неправильно всё понял.

Гунцзы не был уверен, поэтому кивнул.

Лэй Лэй заботила только секретная техника и вскоре она потеряла интерес к делам мертвых людей. Притворяясь, что оценивает искусство каллиграфии, она перерыла все свитки и картины в комнате, но ничего не нашла.

Записей не было за каллиграфией и картинами, но они могли быть за книжной полкой! Основываясь на своем опыте просмотра телесериалов, Лэй Лэй воспользовалась ошеломленным состоянием гунцзы, чтобы потрясти книжную полку, дотронулась до столика с подставкой для лампы, время от времени протягивала руку и стучала по стене или топала ногами. Гунцзы очнулся от своих мыслей и посмотрел на нее:

- Что ты ищешь?

Лэй Лэй осматривала стену за книжной полкой и была поражена, когда услышала это. Она спокойно убрала руку и с улыбкой придумала оправдание:

- Старый мастер Сяо Минь очень хорошо пишет, поэтому я хотела поучиться. Я смотрю, не завалялись ли здесь кисти и чернила.

Гунцзы подошел к передней части стола и открыл маленький ящик:

- Всё здесь.

Она думала, что этим кабинетом не пользовались уже несколько лет и в нем не будет всего необходимого. Неожиданно всё оказалось на месте, но сожалеть было слишком поздно. Поскольку она уже заговорила, Лэй Лэй могла только придвинуться к нему поближе.

Гунцзы на редкость был в хорошем расположении духа и лично растёр для нее чернила. Лэй Лэй разложила бумагу и взяла большую кисть. Благодаря ее двухлетней практике в каллиграфии, ее осанка выглядела прилично.

Гунцзы посмотрел на цвет чернил:

- Всё готово.

Лэй Лэй держала кисть в правой руке, чувствуя себя довольно неловко. Что же ей написать? В этом мире было слишком много плагиатных стихов, и она давно потеряла к ним интерес. Она не могла придумать, что же написать, поэтому потянула гунцзы за рукав:

- Скажи, что мне написать?

Гунцзы немного подумал:

- Раз уж мы в кабинете, просто напиши несколько слов наставления от своих предшественников.

Известные цитаты и афоризмы? Лэй Лэй должна признать, что она была плохой ученицей. Эти надписи были развешаны на стенах по обеим сторонам класса с тех пор, как она была ребенком, но обычно она смотрела на них гораздо меньше, чем на красивых парней. В обычное время она смогла бы вспомнить одну или две фразы, но теперь они благополучно вылетели из её головы.

Гунцзы подозрительно посмотрел на нее.

Лэй Лэй спешила, и ей было наплевать на вдохновение. Взмахнув кистью, она записала две знаменитые цитаты великих людей нового китайского поколения, имеющие глубокое воспитательное значение.

«Усердно учись и совершенствуйся каждый день».

Гунцзы был ошеломлен.

Чернила были хорошего качества, и шесть великолепных больших символов блестели и сияли. Ни одна мать не стала бы презирать своего ребенка за то, что он уродлив. Лэй Лэй отложила кисточку и подняла лист с надписью, становясь всё более довольной, чем больше она на него смотрела. Это, несомненно, были самые красивые иероглифы, которые она когда-либо писала.

- Ну как? - Она толкнула гунцзы локтем.

Уголок губ гунцзы дернулся:

- ...Более-менее.

Лэй Лэй не стала заикливаться на значении его слов и великодушно предложила свое сокровище:

- Я отдам это тебе.

Гунцзы молчал.

- Не хочешь? - Лэй Лэй была разочарована и снова опустила глаза. - Это не очень хорошо написано...

Люди дарят подарки от души, и нет причин думать, что подарок слишком плох. Хорошее воспитание заставило гунцзы протянуть руку и взять его:

- Хорошо, спасибо.

Лэй Лэй с радостью отложила кисть и чернила, внезапно вспомнив о важном деле:

- Скоро Новый год, насчёт Ореха Долголетия... Ты поручил управляющему Чжао собрать вещи, хочешь поехать в город Бишуй с Цинь Лю Фэном и остальными?

Гунцзы кивнул.

Сяо Бай собирался уходить, и она ничего не смогла бы добиться, оставаясь в этом доме. Лэй Лэй с тревогой спросила:

- Можно мне тоже пойти?

Гунцзы засомневался:

- Нам будет неудобно путешествовать вместе. Кроме того, мы собираемся заниматься делами, и это будет опасно. Брат Цинь... вероятно, тоже должен будет отослать барышню Лэн обратно.

Какое отношение Цинь Лю Фэн, отсылающий кого-то, имеет ко мне? Лэй Лэй была сбита с толку, но она не стала больше об этом думать, прижавшись к нему:

- Милый Сяо Бай, я не боюсь опасности. Если ты уйдешь, и я останусь совсем одна в поместье,

будет ещё опаснее.

Гунцзы бросил на нее взгляд, прежде чем повернуться и направиться к двери:

- Я увеличу количество охранников.

Лэй Лэй вцепилась в его руку:

- Нет необходимости выставлять охрану, я тоже пойду с тобой, и я обещаю, что не причиню тебе никаких неприятностей.

Гунцзы не мог убежать, будучи беспомощным перед ней:

- Но...

Вместо этого Лэй Лэй обняла его за талию.

- Не лучше ли взять с собой кого-нибудь, кто будет прислуживать тебе? Я позабочусь о тебе, о еде и отдыхе, закажу еду, помассирую твою спину, я также могу помочь тебе...

Увидев бесстыдное поведение этой женщины, гунцзы, выработавший иммунитет, сразу же оттолкнул ее.

Лэй Лэй снова вцепилась в него:

- Возьми меня с собой, хорошо?

- ...

- Милый Сяо Бай...

- ...

Она донимала его на протяжении всего пути от Восточного двора к Западному, рассказывая о преимуществах женщин, упомянула о пользе удачливости, и как раз в тот момент, когда Лэй Лэй утратила уверенность и собиралась сдаться, гунцзы внезапно кивнул:

- Хорошо, иди и собирайся, мы отправляемся послезавтра.

Лэй Лэй взволнованно вернулась в свою комнату. Как раз в тот момент, когда она хрустела костяшками пальцев, размышляя о том, что ей следует взять с собой, она заметила записку, которая была оставлена у ее кровати. Она быстро протянула руку, чтобы взять её.

«Малышка Чунь Хуа, приходи в павильон Гусун* как можно скорее. Цю Юэ».

* «Гу» – древний, «Сун» – сосна.

Маленькие буквы, написанные наклонным почерком, выглядели немного необузданно, подтверждая незаурядность автора и всё ещё храня аромат чернил. Лэй Лэй долго смотрела на написанное и, наконец, пришла в себя, обескураженная и покрасневшая. Лаонян с трудом написала несколько удовлетворительных слов. Теперь, если сравнить её с красавцем-братом, это просто небо и земля. Как весенний цветок и осенняя луна могут быть так далеки!

Она быстро схватила записку и выбежала за дверь.

<http://tl.rulate.ru/book/73254/2604718>